№ 9. 24-е ФЕВРАЛЯ 1878 ГОДА. ГОДЪ XX.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

RIDENDO CASTIGO MORES

ЖУРНАЛЪ ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Москвѣ безъ доставки на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Съ доставкой или пересылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. Цѣна отдѣльному № 15 коп.

РЕДАКЦІЯ: Москва, Покровка, Машковъ пер., д. Миллера. Каждая перемѣна адреса 20 коп.; при этомъ отъ иногородняго нужно представить прежній печатный адресъ.

Объявленія принимаются съ платою по 15 коп. за строку, или за квадратный дюймъ.

А МАСЛЯНИЦѢ

(РАЗСКАЗЪ).

I

Только что спустились на землю московскія сумерки; время около пяти часовъ вечера.

Въ одну изъ залъ Новотроицкаго трактира вошли двое купцовъ съ благообразными физіономіями, украшенными лопатообразными бородами, съ брюшками овальной формы. Вошедшіе были одѣты въ длиннополые сюртуки.

Это были богатые коммерсанты—Өедулъ Өедуловичъ Разбейрыловъ и Кузьма Демьяновичъ Крутоносовъ, сосѣди по лавкѣ, компаніоны по «ударянью», друзья-закадыки.

Размѣстились на диванчикѣ за круглымъ столомъ.

Услужливый «половой» съ кривляньями, съ увертливыми замашками подскочилъ съ своимъ неизбѣжнымъ вопросомъ:

— Чѣмъ угощать прикажете?

Распорядителемъ оказался Разбейрыловъ.

— Какъ полагаешь, Кузьма Демьянычъ, я думаю, не мѣшало бы эдакъ по водченкѣ пройтись, блинковъ сжевать, а тамъ—и чайкомъ попромыть утробушки грѣшныя?

— Ну-къ што-жь, вали!

— Поповской прикажете? ввернулъ свое словечко служитель.

— Крѣпко, я думаю, будетъ? вопросительно поглядѣлъ Разбейрыловъ на Крутоносова.

— Наберешься: лучше рябинки... глубокомысленно отвѣчалъ тотъ.

— Значитъ, приволоки намъ бутылку рябинки отъ Петра Смирн[illegible]ва... слышишь, [illegible]унаго моста, непре[illegible]—добавилъ онъ.

— Слушаю-съ! — служител[illegible]вой рукой, вооруженной бѣлой салфеткой, исчезъ [illegible]равленію къ буфету.

— Такъ-то, Кузьма Демьянычъ — [illegible]абаня па по столу и смотря на пріятеля, произнесъ [illegible]

— Совершенно вѣрно! улыбаясь и т[illegible] столу, отвѣчалъ Крутоносовъ.

Пріятели чувствовали себя какъ-то не на мѣстѣ; разговоръ не клеился.

— Ужь и масляница же эта, штобъ ей не ладно было! буркнулъ Ѳедулъ Ѳедуловичъ.

— Бѣда!

— Кажинное утро прёшь, прёшь этихъ самыхъ блиновъ, потъ даже прошибетъ; въ трактиръ пришелъ,— опять та же антифонія.

— Бѣда!

— А не ѣсть нельзя—потому масляная, одна недѣля въ году только и есть.

— Извѣстно.

На столѣ явилась рябиновая и приличная закуска.

Разбейрыловъ налилъ по рюмочкѣ; чокнулись, выпили, крякнули, закусили и тщательно отерлись салфетками.

— Да, масляная—дѣло великое! промолвилъ Разбейрыловъ.

Выпили.

Явилась приличная порція блиновъ. Пріятели вооружились ножами и вилками и началось уничтоженіе масляничныхъ аксесуаровъ.

— И диковинная вещь эти самые блины, промолвилъ Разбейрыловъ:—день-деньской, кажись, штукъ двѣсти можно съѣсть .. а ничего—только въ брюхѣ пучитъ, точно на плотинѣ водой загородку ломаетъ.

— Такъ ужь показалъ Царь небесный.

Выпили.

— А опричь если запивать этимъ вотъ снадобьемъ— такъ въ глотку сами и лѣзутъ.

Не прошло и пяти минутъ—блиновъ какъ и не было.

— Велики твои милости, Господи! набожно перекрестился Ѳедулъ Ѳедуловичъ,—кажись, въ седьмой разъ сподобился поѣсть блинковъ.

— Меня Богъ миловалъ—только въ пятый.

— Што-жь, кончить, я думаю?—Разбейрыловъ показалъ на бутылку,—а тамъ и всполоснуть можно брюхо-то.

— Вали!

Рябиновой въ бутылкѣ какъ не бывало, на столѣ явился чай.

— Вотъ теперь и побаловаться малость можно... Ну-ко, наливай што-ль! весело проговорилъ Разбейрыловъ.

— Ну ужь, братъ, мимо! Ты хозяинъ всему этому— значитъ и распоряжайся.

Рябиновая подѣйствовала на пріятелей, языки ихъ точно поразмякли: живились они и потекла рѣчь быстрой рѣченькой.

II

Ночь повисла надъ Москвою. Масляница сказывалась повсюду. На улицѣ то бѣшено промчится лихачъ-Ванька на рысакѣ, то гремя бубенцами, съ гиканьемъ пронесется сломи-голова ямщикъ на удаль борзыхъ коней; а въ перемежку съ этимъ гдѣ нибудь нѣтъ-нѣтъ да и разыграется сцена въ родѣ такой вотъ. Изъ развеселаго заведенія вываливаетъ подгулявшая компанія мастеровыхъ; воздухъ наполняется взвизгиваньемъ, крикомъ, скрипомъ гармоники, крѣпкими бранными словцами и тому подобной праздничной принадлежностью.

— Нѣтъ, ты, Ванька, ни шкни, т. е. ни одного слова: загулялъ я—ну и шабашъ! еле выговариваетъ одинъ изъ подгулявшихъ.

— Не ори, чортъ!

— Загулялъ я и—шабашъ!

— Не ори, говорятъ.

— Пьянъ я? ну-къ што-жь! на то и масляница.

— Это вѣрно,—поддерживаетъ Ваньку одинъ изъ товарищей,—штобъ, значитъ, православному христіанину на масляной не напиться—этого никакъ сдѣлать невозможно.

— Господа, честью просятъ, разойдитесь, а то хуже будетъ! раздается голосъ.

— Нонѣ масляница—гуляемъ!

— Говорятъ—разойдитесь!

— Не шуми, братъ, не страшно. Нонѣ время военное, всѣмъ можно драться.

Съ шумѣвшей толпой поровнялись Разбейрыловъ и Крутоносовъ и, заинтересовавшись, остановились.

— Ишь ты, должно полагать хотятъ эту самую Турцію въ плѣнъ взять! промолвилъ усмѣхаясь Разбейрыловъ.

— Господинъ городовой, а вы ихъ ужь не безпокойте—время военное! вмѣшался Крутоносовъ, и пріятели, не дождавшись, учинится ли осада или нѣтъ, направились дальше.

— Такъ вотъ, Кузьма Демьянычъ, такія-то дѣла: значитъ, и ѣхать-то мнѣ надо непремѣнно, и супружница-то моя Ѳекла Патрикѣевна не отпуститъ меня одного, скажетъ: масляная, а ты уѣзжаешь, да еще пожалуй не повѣритъ, што по дѣлу, скажетъ: пьянствовать!—Продолжая, видимо прежде начатый разговоръ говорилъ Разбейрыловъ.

— Какъ же быть-то тутъ?

— Вотъ про это-то и я толкую.

— Подумай: може можно вывернуться какъ нибудь.

— Какъ вывернуться?... Я надумалъ вотъ што: скажу, ѣхать надо безъотмѣнно и ѣду, молъ, съ Кузьмой Демьянычемъ, сирѣчь, съ тобою,—пояснилъ Разбейрыловъ.

— Ну-къ што-жь, такъ и вали!

— Потому самому, съ тобой она повѣритъ во всякомъ разѣ; а ты при случаѣ, когда свидаешься, е проговорись, што разыграли только этотъ самый водевиль.

— Ну вотъ, што я маленькій што-ль!

— Оно, положимъ, и безъ этого можно, да знаешь, эти бабы...

— Да не толкуй, понимаю я все.

— А не ѣхать нельзя—потому убытокъ громадный произойдетъ.

— Зачѣмъ же не ѣхать—вали!

— Значитъ, я въ надеждѣ?

— Безъ всякаго сумлѣнія.

— Я такъ и скажу: молъ, ѣду въ Ярославль, должникъ одинъ обанкрутился и ѣду, дескать, ни съ кѣмъ инымъ, какъ съ Крутоносовымъ.

— Такъ и жарь! На меня ужь надѣйся. Тоже грѣхи-то семейные и у насъ водятся...

— Ну, значитъ, спасибо, одолжилъ.

— Свои люди, сочтемся.

— Ну, будь здоровъ... я, выходитъ, утромъ съ раннимъ поѣздомъ и маршъ.

— Счастливо! Дай Богъ, чтобъ сдѣлать што слѣдствуетъ.

— Это главное. Ну, прощай, пріѣду—угощу хорошимъ обѣдомъ.

— Извощикъ, на Ордынку!

Пріятели разстались.

— Што такое задумалъ этотъ Разбейрыловъ? вслухъ почти разсуждалъ Козьма Демьянычъ, разставшись съ пріятелемъ и направляясь по пути къ Иверскимъ воротамъ.—Што въ Ярославль онъ не поѣдетъ—это вѣрно, какъ святъ Богъ; одну только волынку затираетъ..- Ужь не скрыться ли хочетъ, а постомъ-то шубу вывернуть? предположилъ Крутоносовъ и самъ же разбилъ это предположеніе.—Нѣтъ, не то: долженъ онъ сущую бездѣлицу, не стоитъ игра свѣчъ... А, вотъ што! вдругъ радостно улыбнувшись, промолвилъ вслухъ Крутоносовъ.—Какую ни на-есть мамоху завелъ, значитъ гульнуть хочетъ! Это вѣрно. Ну-къ што-жь? пусть его раболѣпствуетъ по этой самой штукѣ, и мы при этомъ разѣ надуемъ свою супружницу: молъ, въ Ярославль съ Разбейрыловымъ ѣду, а самъ тѣмъ временемъ душеньку отведу съ благопріятельницей Ѳеклой Патрикѣевной.

— Значитъ, половина дѣла сдѣлана,—думалъ Разбейрыловъ, сидя на извощичьихъ саняхъ:—благовѣрную обману Ярославлемъ, дуракъ Крутоносовъ поможетъ, и ухъ какъ гульну два денька эти съ разлюбезной Амалькой!

III

Разсчитавшись съ извощикомъ, остановившись у воротъ своего собственнаго двухъэтажнаго дома, Разбейрыловъ вошелъ въ калитку, услужливо отворенную ему дворникомъ, видимо поджидавшимъ его возвращенія.

— Иванъ, обратился онъ къ дворнику,—по дому все благополучно?

— Какъ слѣдствуетъ-съ.

— Никого чужихъ не было?

— Ни единой души.

— Хозяйка спитъ?

— Не знаю-съ... должно полагать.

Но Ѳекла Патрикѣевна, супружница Разбейрылова, «должно полагать» не спала еще: въ верхнемъ этажѣ, занимаемомъ «самими» хозяевами, свѣти ся огонекъ.

Ѳедулъ Ѳедуловичъ, раздѣвшись въ передней, прошелъ по цѣлому ряду комнатъ, наконецъ добрался до спальной.

— Ѳеклуша, не спишь? окрикнулъ онъ.

— Нѣту-ти, жду тебя! послышался голосъ съ владимірскимъ удареніемъ.

— Умница, вотъ и я.

Разбейрыловъ вошелъ въ спальную; на мягкомъ пуховикѣ изъ подъ цвѣтнаго одѣяла выглядывала красивая женская голова, чернобровая, черноволосая; крестообразно сложенныя руки на полной, высокой, бѣлой, какъ изъ кости выточенной груди—дѣлали супругу Ѳедула Ѳедуловича весьма интересной и, кажись, самый притязательный любитель красивыхъ женскихъ формъ залюбовался бы на нее, но Ѳедулъ Ѳедуловичъ не былъ поклонникомъ своей жены и по этому не прошло пяти минутъ, какъ онъ, раздѣвшись, погасивши лампу, стоявшую на столѣ и освѣщавшую спальную, улегся рядомъ съ Ѳеклой Патрикѣевной.

— Ѳеклуша, промолвилъ Разбейрыловъ,—завтра пораньше разбуди меня.

— Што такъ?

— Я уѣзжаю!

— Ну?

— Вотъ те Христосъ.

— Куда-жь это для такихъ денъ?

— Въ Ярославль.

Купчиха Разбейрылова надула губы.

— У людей праздникъ, а намъ все будни, обидчиво произнесла она.

— Дура, по дѣлу ѣду, не гулять!

— Все у тебя дѣло; жена сиди какъ птица въ клѣткѣ и дѣла до нея нѣтъ.

— Ты пойми, дѣло есть. Фабрикантъ Кривошеинъ хочетъ банкрутъ сдѣлать, а я съ нимъ торгуюсь,—значитъ, надо во время пріостеречься.

— Знаемъ мы ваши дѣла-то!

— Каркаетъ ворона [illegible] Мнѣ не вѣришь, повѣрь другимъ: [illegible] рутоносовъ.

— Часъ отъ часу [illegible] берется компанія-то!

— Ну? и Крутоносо[illegible]

— Есть кому повѣр[illegible]

— А бывало хвалила.

— Мало што было прежде.

Прошло еще нѣсколько минутъ въ препирательствѣ супруговъ, по окончаніи которыхъ Разбейрыловъ все-таки порѣшилъ, что онъ съ раннимъ поѣздомъ ѣдетъ въ Ярославль и шабашъ.

—

Одновременно съ тѣмъ, когда чета Разбейрыловыхъ, покончивъ споры и утонувъ въ мягкомъ пуховикѣ, забылась блаженнымъ сномъ невиннаго младенца, Амалія Карловна Хищноптицева, нѣмка по рожденію, какъ она себя выдавала, жидовка, какъ ее величали сосѣди по квартирѣ, особа не сѣющая, не жнущая, но живущая весьма шикозно, вѣчно нарумяненная, наштукатуренная, сомнительной красоты, не менѣе того сомнительнаго поведенія, только что вернулась въ свою роскошно меблированную квартиру, находящуюся въ одномъ изъ переулковъ, прилегающихъ къ Тверской улицѣ. Въ передней ее встрѣтила съ лампочкой въ рукахъ молоденькая горничная съ заспанной физіономіей.

— Ты, Софья, вѣчно спишь,—не успѣетъ наступить вечеръ, ты ужь спишь, а тутъ приди къ парадному и звони цѣлый часъ.

— Совсѣмъ это напрасно: вы только звякнули колокольчикомъ, я и отворила, къ тому-жь не вечеръ теперь, а скоро 11 часовъ, и полночь близко.

— Ну, разворчалась! Ты вѣчно права. Кто былъ сегодня?...

— Часовъ въ 12-ть былъ Разбейрыловъ, долго ждалъ, потомъ ушелъ, ничего не сказавъ.

— Болванъ! Потомъ?

— Еще никто не былъ... Письмо городское есть.

— Дай сюда!

Амалія Карловна поспѣшно выхватила письмо и лампочку изъ рукъ горничной, не раздѣваясь, прошла въ гостинную и торопливо сорвавъ конвертъ, прочитала почти въ слухъ:

«Разлюбезная Амалька!»

— Фи, мужикъ! болваномъ такъ и пахнетъ! съ кислой миной проговорила Хищноптицева.

— Не въ ударѣ пріѣхала; должно не обставила никого! мрачно проворчала горничная, выглядывавшая изъ-за дверей.

«Такъ какъ нонича масляница,—продолжала читать Амалія Карловна,—веселые дни наступили и намъ, въ купцахъ состоящимъ, по достоинству нашего степенства погулять слѣдствуетъ... И по этой причинѣ приказываемъ мы тебѣ, Амалька,—хоть ты и нехристь, а все же наша мадамъ,—приготовить обѣдъ хорошій и блиновъ тоже,—потому мы завтра припожалуемъ къ тебѣ собственной персоной и намѣреваемся мы съ тобой, Амалька, проваландаться цѣлыхъ два дня. Значитъ, Стрѣльня, Эрмитажъ и все такое прочее...

Лобызающій тебя душевно, Ѳедулъ Разбейрыловъ».

— Мужикъ! съ негодованіемъ произнесла Амалія Карловна и смяла бывшее у нея въ рукахъ письмо.

— Барышня, ужинать не прикажете? перебила ее горничная, показавшаяся изъ-за дверей.

— Готовить мнѣ спать!

Горничная скрылась.

— А все таки надо приготовиться, богатъ онъ и щедръ,—въ раздумьѣ произнесла Хищноптицева.—Значитъ, бѣдному Петрушѣ не видать меня вплоть до великаго поста! съ сожалѣніемъ добавила она и раздѣваясь на ходу, направилась къ спальнѣ.

IV

Ѳедулъ Ѳедуловичъ Разбейрыловъ, часу въ седьмомъ утра совсѣмъ готовый, съ чемоданчикомъ, въ рукѣ выходилъ изъ своего параднаго крыльца; его провожала Ѳекла Патрикѣевна.

— Такъ я и сдѣлаю: теперь прямо къ святому Сергію, помолюсь, а вечеромъ и маршъ въ Ярославль!

— Ну, дай Богъ тебѣ путь добрый!

Супруги поцѣловались.

Разбейрыловъ по примѣру замоскворѣцкаго купечества имѣлъ свою выѣздную лошадь, но на это несчастное почему то утро она оказалась охрамѣвшею и Ѳедулу Ѳедуловичу пришлось отправится на возницѣ.

—

Разбейрыловъ, вѣроятно, не доѣхалъ еще и до воксала желѣзной дороги, какъ въ спальну къ Ѳеклѣ Патрикѣевнѣ какъ-то тихо-таинственно вошла горничная, бойкая, разухабистая дѣвка.

— Ѳекла Патрикѣевна, къ вамъ письмо! съ лукавой улыбкой промолвила она.

— Што ты? удивилась Ѳекла Патрикѣевна.

— Право слово.

— Отъ кого же?

— Отъ Кузьмы Демьяныча, дворникъ принесъ... лукаво произнесла горничная.

Разбейрылова покраснѣла какъ кумачъ.

— Ну-ко, голубушка, Дуняша прочитай.

Ѳекла Патрикѣевна, къ несчастію, была неграмотна.

Дуняша тщательно притворила двери, вскрыла конвертъ и приготовилась къ чтенію письма. Повидимому ей пришлось не первое письмо читать, адресованное на имя ея хозяйки. Разбейрылова привратилась вся вслухъ; Дуняша въ полголоса начала читать:

«Любезная моя
Θекла Патрикѣевна!

Во-первыхъ строкахъ моего письма цѣлую тебя несчетно разъ и низко кланяюсь. Еще поздравляю съ широкой масляницей. Такъ какъ, извѣстно мнѣ будучи, што супругъ твой, въ отлучкѣ состоитъ въ городѣ Ярославъ, то и изъявляемъ мы тебѣ наше согласіе покататься нынче вечеромъ на тройкѣ въ Эрмитажъ, а не то и въ самую Стрѣльну по примѣру прежнихъ разовъ. Цѣлую тебя въ сахарныя уста

Другъ твой до гробовой крышки
Кузьма Крутоносовъ».

— Все? спросила Разбейрылова.

— Все, Θекла Патрикѣевна... Ахъ, какія вы счастливыя! закатывая глаза подъ лобъ, жеманно произнесла горничная.

Θекла Патрикѣевна вопросительно поглядѣла на нее.

— Какъ же, продолжала Дуняша,—есть у васъ и супругъ, есть и милый другъ; а у меня одинъ былъ милъ дружочекъ и того угнали подъ турку проклятаго.

Встрепенулась Θекла Патрикѣевна.

— Боюсь я, Дуняша, не досталось бы мнѣ за мои грѣхи! промолвила она.

— Э, будетъ вамъ! пока я живу съ вами, все будетъ шито и крыто... Въ могилу съ собой унесу.

— Такъ-то такъ, а все-таки...

— Полно вамъ безпокоиться. Какая прелесть это! восторгалась горничная.—Сядешь этто на тройку, такъ сердечко и замретъ какъ понесутъ они соколики али ямщикъ гикнетъ: эй вы, соколы ясныя!—Ахъ, матушка, Θекла Патрикѣевна, закалякалась я, забыла сказать, что дворникъ ждетъ тамъ... на чай.

— Поди-ка, голубушка, дай ему.

И она доставши изъ кармана кошелекъ, а изъ него двугривенный, подала Дуняшѣ.

— И весело-то мнѣ и робко точно бы... а сердце такъ и хочетъ выскочить,—вслухъ промолвила Разбейрылова и задумалась крѣпко.

V

Тихая, звѣздная, лунная ночь.

Къ подъѣзду Эрмитажа, съ двухъ противоположныхъ сторонъ ухарски подлетѣли двѣ великолѣпныя, ямскія тройки. Изъ тѣхъ и другихъ саней вышли сѣдоки и направились къ подъѣзду. Услужливый швейцаръ широко растворилъ двери и низко раскланялся. Новоприбывшія, выйдя изъ саней и ступивъ на тротуаръ, отряхивали съ шубъ снѣжную пыль. На каждой тройкѣ было по парочкѣ: мужчина и дама. Отряхивая снѣгъ съ шубы одинъ изъ мужчинъ откинулъ воротникъ своей енотовой шубы.

— Ба, ба! Кузьма Демьянычъ! Какими судьбами? раздался возгласъ.

Кузьма Демьянычъ взглянулъ на говорившаго, и хотя лица не видно было изъ-за воротника тоже енотовой шубы, но все-таки узналъ въ немъ своего пріятеля Разбейрылова.

— Θедулъ Θедулычъ, а ты какъ? кажись тебѣ бы слѣдъ быть въ Ярославлѣ?

Компаніонка Кузьмы Демьяныча взвизгнула но не тронулась съ мѣста.

— Царь небесный! никакъ моя Θеклуша! удивился Разбейрыловъ.

— А, разбойникъ, такъ-то ты поѣхалъ въ Ярославль? А ты, мерзавка, съ женатымъ человѣкомъ разгуливать вздумала, вотъ же тебѣ!

И несчастная шляпка съ головы Амаліи Карловны была сдернута моментально Θеклой Патрикѣевной.

— Караулъ! заблажила та.

Появилась нѣсколько человѣкъ зрителей.

Пріятели ошалѣли: наскочили другъ на друга, женщины вертѣлись между ими—и началась баталія.

— Городовой идетъ, городовой идетъ!... пронеслось въ толпѣ.

Пріятели сразу отрезвѣли: они поняли, чѣмъ пахло ихъ безобразничанье. Тотъ и другой моментально очутились въ саняхъ; дамы, ихъ компаніонки, послѣдовали тому же примѣру.

Какъ прошла ночь для всѣхъ героевъ этого разсказа, мы не считаемъ нужнымъ вдаваться въ подробности; только каждый изъ нихъ утромъ рано былъ на своемъ мѣстѣ: въ своемъ домѣ. У Разбейрылова правый глазъ оказался подшибеннымъ; у Кузьмы Демьяныча разсѣчена нижняя губа; Амалія Карловна вернулась въ свою квартиру безъ шиньона въ шляпкѣ смятой въ лепешку; только Θеклу Патрикѣевну Богъ помиловалъ отъ малѣйшихъ поврежденій.

— Ну, ужь эту масляную долго не забудешь! то и дѣло повторялъ Разбейрыловъ, осушая чуть ли не десятый графинъ водки, сидя в[illegible] своемъ кабинетѣ,—въ городъ онъ не рѣшился ѣхат[illegible] [illegible]чаю подбитія глаза.

— Ужь и Плевна же [illegible]ла! то и дѣло говорилъ про себя Кру[illegible]

Θекла Патрикѣевна [illegible]

А Амалія Карловн[illegible] говорить, ей не въ-перво[illegible] дировки!...

КУПОСТЬ И ГЛУПОСТЬ

ДВѢ КАРТИНКИ.

(*Окончаніе*).

КАРТИНКА II.

ГЛУПОСТЬ.

Было сѣренькое утро и мартъ мѣсяцъ. На дворѣ не то дождь, не то снѣгъ. По улицамъ первопрестольнаго града нѣтъ ни прохода, ни проѣзда, потому что мостовая мѣстами уже обнажилась отъ льда, мѣстами же представляла страшныя ямы, залитыя водою, попавъ въ которыя колесо и рессоры экипажа лопаются и сѣдокъ, выкидывая въ воздухѣ удивительное сальто-мортале, падаетъ въ грязь, напрасно взывая о спасеніи. Около тратуарныхъ тумбъ горами наваленъ сколотый ледъ, представляющій какъ бы баррикады для осажденныхъ въ домахъ жителей. Влажный воздухъ съ сильнымъ вѣтромъ пронизываетъ насквозь пѣшеходовъ; они закрываются воротниками шинелей и пальто, жмутся, кряхтятъ и ёжатся, опасаясь заболѣть.

По календарю значилось, что восьмаго марта уже наступила весна.

Подъ именемъ весны, составляющей самое пріятное время года, мы обыкновенно разумѣемъ воскресающую природу, зеленѣющую траву, распускающіеся цвѣты и привѣтливое теплое солнце съ голубымъ небомъ.

Наступившій мартъ мѣсяцъ совсѣмъ не былъ весеннимъ; природа представляла глубокую осень, сопровождаемую сильнымъ холодомъ, невообразимою слякотью, многочисленными болѣзнями.

Предсказанія календаря и вмѣстѣ съ нимъ знаменитаго старца Мартына Задеки, обѣщавшихъ раннюю весну, не сбылись.

Какъ жестоко посмѣялись они надъ москвичами!

Въ такую-то дурную погоду, часу во второмъ ночи, тройка быстрыхъ коней въ ямской упряжи съ бубенчиками и погремушками, запряженная въ раззолоченныя сани, мчалась сколько позволяла ей изрытая ухабистая дорога по Тверской улицѣ, за Тріумфальныя ворота.

Трое мужчинъ и три дамы, лицъ которыхъ за темнотою разглядѣть было невозможно, развалясь въ огромныхъ саняхъ, кто съ сигарою, кто съ папиросою въ зубахъ, со смѣхомъ, водевильными куплетцами и необыкновенною веселостью, происшедшею по всей вѣроятности отъ усердныхъ возліяній Бахусу, нарушали ночную тишину, заставляя запоздалаго сторониться, ночныхъ сторожей просыпаться, а собакъ неистово лаять.

Но вотъ борзая тройка подлетѣла ко крыльцу загороднаго ресторана, подъ фирмою: «Стрѣльна».

Хозяева почуяли наживу; въ домѣ поднялась суета; въ окнахъ замелькали огни.

Никто изъ живущихъ ни обидѣлся на поздній пріѣздъ гостей, на то, что они нарушили ихъ сонъ и что предстоятъ большія хлопоты, напротивъ, всѣ, начиная отъ хозяина до судомойки, были очень рады, находясь въ увѣренности, что со стола полночныхъ посѣтителей спадетъ нѣсколько крупицъ въ ихъ пользу.

Явились музыканты, столы украсились всевозможными закусками и баттареями бутылокъ, дымъ пошелъ коромысломъ.

Три кавалера, изъ которыхъ старшему было лѣтъ уже подъ тридцать, принадлежавшіе повидимому къ породѣ купеческихъ шелопаевъ, усѣлись вокругъ трапезы, дамы противъ нихъ визави и начался веселый пиръ.

— Сержъ, Сержъ,—кричалъ одинъ изъ шелопаевъ, лѣтъ двадцати, уже на порядкахъ подгулявшій, поднимая въ воздухѣ полный бокалъ шампанскаго,—за чье теперь здоровье?

— За мое!... за мое!... за чье же больше?... закричалъ въ отвѣтъ Сержъ человѣкъ лѣтъ подъ тридцать съ измятымъ лицомъ и опухшими глазами,—я теперь счастливъ, богатъ, деньги дѣда въ моихъ рукахъ, мы сумѣемъ пустить ихъ въ оборотъ... веселись, честная компанія!... пей до упаду!...

Шумная компанія чокнулась бокалами и осушила ихъ до дна.

— Музыканты!... эй, вы!... оглохли что-ль? валяй животрепещущую, чтобъ косточки заговорили, чтобъ все въ плясъ пошло!... Ну! что-жь дремлете?... благостыни ждете?... съ нашимъ почтеніемъ!... не мѣшало бы арфистокъ!... Ежели кутить, такъ кутить!... будетъ!... тридцать лѣтъ на цѣпурѣ сидѣлъ!... слава Богу, что вырвался... валяй веселую, чтобъ черти въ аду заплясали канканъ!...

Такъ кричалъ наслѣдникъ скряги-дѣда, бросая направо и налѣво цѣлою горстью имперіалы музыкантамъ и служителямъ.

— Сержъ, милый Сержъ, душечка мой, ангелочекъ, купишь ли мнѣ бриліантовое колье, которое обѣщалъ еще въ прошломъ году?... помнишь, тогда, когда былъ не при деньгахъ... Теперь ты богатъ... а при богатствѣ нѣтъ ничего невозможнаго... Амурчикъ, купишь ли?...

Бѣлокурая дѣвушка, обнявъ молодаго наслѣдника-кутилу, страстно смотрѣла ему въ глаза и говорила медовыя рѣчи.

— Еще бы!... какой странный вопросъ!... ха, ха, ха!... У тебя, Анжелика, будетъ и колье, и турецкая шаль, и превосходная коляска съ сѣдымъ, толстымъ кучеромъ... будетъ все!... слышишь ли?... все!...

— И хорошій поваръ, и рояль? Ахъ, какъ я счастлива!... пью за наше блаженство!... Пью за здоровье милаго Сержа! Ура! ура!

— Да здравствуетъ Сержъ!... да процвѣтетъ жизнь богача! Да украсится любовью и всякимъ блаженствомъ! Ура!... Урра!... закричали гости.

Оркестръ грянулъ что-то торжественное; служители ресторана подхватили.

Опенкинъ поднялся съ кресла, раскланялся и направо и налѣво, точно знаменитый юбиляръ, потомъ поднялъ высоко надъ головою бокалъ.

— Пусть разобьется моя прошедшая жизнь, полная лишеній и гадкой нужды, какъ этотъ бокалъ, и пусть заблистаетъ будущая, какъ это вино вдовы Клико!... громко вскричалъ онъ, однимъ залпомъ осушивъ налитую влагу и бросивъ на полъ хрусталь, разлетѣвшійся на тысячу мелкихъ кусковъ.

— Браво! Ура! Виватъ!... вновь раздалось въ залѣ.

Когда компанія честныхъ гостей порядочно подгуляла, то начался плясъ, невиданный, безобразный плясъ, которому позавидовали бы народные балы Парижа и Лондона, музыканты не жалѣли инструментовъ, наслѣдникъ богатаго скряги и его пріятели—денегъ; Сержа обнимали, лобызали, носили чуть не на рукахъ; ресторанъ вполнѣ походилъ на храмъ оргіи, гдѣ раздавались только стукъ каблуковъ, пронзительный визгъ, свистъ, циническія восклицанія, шумъ, гамъ невообразимый...

До самаго утра продолжалась шумная вакханалія и я не описываю ее въ подробности; въ ней было одно безобразіе, бушевали одни страсти не человѣческія, но животныя, была одна грязь...

Скажу только, что упившіеся гости на рукахъ служителей, какъ богажные тюки, были ввалены наконецъ въ обширныя сани...

Такія оргіи продолжались почти каждый день и если иногда замолкали на короткое время, то единственно для того, чтобъ дать кутиламъ укрѣпиться физически.

—

Въ небольшой квартиркѣ у Серпуховскихъ воротъ проживалъ Иванъ Иванычъ Артикуловъ.

Артикуловъ когда-то служилъ въ военной службѣ, изъ которой вышелъ по темнымъ, ему одному извѣстнымъ, причинамъ во цвѣтѣ лѣтъ и красоты, съ чиномъ поручика.

Великолѣпные усы, каскадомъ ниспадавшіе на могучую грудь, мужественная осанка, пріятный голосъ, который возбуждалъ симпатію, когда воспѣвалъ подъ звуки семиструнной гитары чувствительные романсы, вродѣ: «*Ты для меня душа и сила*» «*Что за ночь, за луна*» «*Въ твоихъ глазахъ я вижу рай*», до такой степени повліяли на нѣжное сердце полной, дебелой внучки Опенкина—Меланьи, имѣвшей счастіе слышать голосистаго соловья въ одномъ изъ знакомыхъ домовъ, что она уже сама находила рай въ глазахъ обворожительнаго пѣвца.

Иванъ Иванычъ, едва перебивавшійся изо дня въ де[нь] былъ на верху блаженства, замѣтивъ страстные взо[ры] m-lle Меланіи, которые метали въ его сердцу молн[іи]

Продолжить сладкіе напѣвы, очаровать чувствительн[ую] душу необразованной, наивной, перезрѣлой двадца[ти] шести лѣтней дѣвицы, набивающейся къ нему [съ] любовью,—для опытнаго въ амурныхъ дѣлишкахъ пор[у]чика не составляло уже большаго труда.

Перспектива богатства вдохновляла его, опытный л[о]вецъ женскихъ сердецъ не дремалъ. Онъ употребля[лъ] всевозможныя уловки, чтобъ заполонить сердечко куп[е]ческой внучки,—и вотъ въ одинъ прекрасный вече[ръ] птичка попалась въ искусно разставленныя сѣти ловк[аго] поручика.

Послѣ похоронъ дѣда, въ тотъ же день, часовъ [въ] шесть вечера, улучивъ свободную минуту, никѣмъ [не] замѣченная, нѣжно-страстная перепелочка прилетѣла [въ] квартиру сладко-гласнаго соловья.

— Ну что, Маняшенька, какъ наши дѣла?... Что ск[а]жешь новаго?... Есть ли надежда на исполненіе нашихъ завѣтныхъ желаній?... спросилъ Артикуловъ, какъ-[то] нервично схвативъ вошедшую за руки и съ нѣжность[ю] смотря во всѣ глаза въ ея пылающее радостью лиц[о].

— Счастіе, Ваня, счастіе! полное наше счастіе!... Се[]годня утромъ читали духовную дѣда... въ ней отказан[о] мнѣ восемьдесятъ тысячъ... Ахъ, какъ я рада, что любовь наша можетъ наконецъ закончиться свадьбою!..

— Во... во...семьдесятъ тысячъ!... Неужели чистоганомъ?... а?... Маняшенька, [...]омъ?... спросилъ поручикъ, побогровѣвъ отъ [...] ракъ, вытаращивъ глаза и поднявъ [...]

— Да, да, тысячу [...] тами и новенькими [...] будто въ столбнякѣ?...

— Душечка... Маняшенька. [...] цѣлую, цѣлую тебя, вѣстницу на[...]

И восторженный поручикъ бросился обнимать, цѣловать, миловать свою Маняшеньку...

Когда первые порывы восторговъ утихли, опять начался разговоръ.

— И такъ, моя милая, мы теперь повѣнчаемся!... Затѣмъ распрощаемся съ ненавистною Москвою и покатимъ за границу!... Жизнь тамъ гораздо дешевле... Поселимся этакъ гдѣ нибудь въ Швейцаріи, въ альпійской долинѣ, на берегу изумруднаго озера... Горныя пальмы и вѣчно зеленые кипарисы будутъ навѣвать на насъ прохладу... Голубое, лазуревое небо, вѣчное солнце, тихая, мирная жизнь и два любящихся сердца!... О!... Это невообразимое блаженство! Я вотъ такъ обойму тебя, страстно, страстно поцѣлую и... и запою:

Моя краса и совершенство,
Мой ангелъ, ты теперь моя!...
Кто разорветъ мое блаженство?...
Кто счастье вырветъ у меня?...

Въ пылу воображенія, въ пылу чувствъ и представлявшейся фантосмогорической картины поручикъ напечатлѣлъ на полныхъ, пылающихъ щекахъ m-lle Меланьи страстный поцѣлуй и затѣмъ сдѣлалъ вокругъ комнаты три тура бѣшенаго вальса.

Перезрѣлая невѣста таяла отъ восторга; дебелая грудь ея высоко вздымалась.

— Когда же исполнятся наши надежды, наши завѣтныя мечты?... Долго ли ждать намъ своего счастія? спросилъ поручикъ, вдругъ остановившись въ обворожительномъ па предъ будущею подругою жизни.

— Вотъ утвердится духовное завѣщаніе... Я совершенныхъ лѣтъ... опеки, попечительства—ничего быть не можетъ... и потому вольна буду распорядиться капиталомъ, какъ полная хозяйка...

— Значитъ, безконтрольно?... безотчетно?...

— Да, конечно... какъ смѣшонъ, Ваня, твой вопросъ!

— И послѣ, Маняшенька, покатимъ въ Швейцарію?... а?... Согласись, что мы будемъ дѣлать въ скучной Москвѣ?...

— На край свѣта!... съ тобою на край свѣта!...

— Браво!... брависсимо!!.

Пой, пляши, кружись, Маняша,
Руки въ боки подпирай,
Мчись въ веселіи жизнь наша,
Ну, пляши же, подпѣвай!...

Артикуловъ, не помня себя отъ радости, бѣгалъ по омнатѣ, потиралъ ладони, щелкалъ пальцами, пѣлъ, ъсалъ и цѣловалъ перепелочку.

всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Наступило время
ся
чсь одинъ, поручикъ размышлялъ:
лку, гдѣ теръ лямку, я навѣрно никогда не
счастливъ!... Чего еще лучше?... мам-
битъ меня, не слышитъ во мнѣ души...
ца... совершенная побѣда!... я взялъ
окочное, золотомъ и брилліантами
рдечко... отличный полководецъ!

А если вникнуть хорошенько въ дѣло, то чему я обязанъ побѣдой?... голосу, только одному своему голосу. Не знай чувствительныхъ романсовъ, не имѣй такаго симпатичнаго, въ душу проникающаго тенора, все бы сидѣлъ бѣднякомъ, вѣчно страдающимъ, вѣчно нуждающимся и прозябалъ бы въ этой дрянной коморкѣ...

И Артикуловъ, закрутивъ въ кольцо свои длинные усы, взглянулъ въ зеркало, пріятно улыбнулся и послалъ самъ себѣ воздушный поцѣлуй.

Потомъ запѣлъ какую-то баркароллу, въ которой слышались только нѣжныя ноты тенора, его разнообразные переливы:

Ии...ль Ман...нилья,
Ии...ль Ма...а...нилья,
Лья, лья,
Лльа, ллья...
О, Ма...ма...нилья!...

Прошелъ годъ послѣ смерти старика Опенкина.

Милый Сержъ прокутился на камелій, на рысаковъ, на друзей, на пышные обѣды и картежную игру.

Толпа пріятелей, прежде бѣгавшая за нимъ цѣлою вереницею, теперь съ презрѣніемъ отъ него отворачивается и указываетъ на него пальцами. Въ настоящее время онъ сидитъ въ *ямѣ* у Иверскихъ воротъ, какъ несостоятельный должникъ.

Мамзель Меланья вступила въ законный бракъ съ пѣвцомъ поручикомъ и отправилась жить въ Швейцарію на вѣчнозеленые берега какого-то изумруднаго озера.

Въ первые мѣсяцы голубки наслаждались полнымъ счастіемъ: Артикуловъ нѣжничалъ, ловилъ каждый взглядъ молодой подруги жизни, предупреждалъ каждое ея желаніе, та отвѣчала взаимнымъ сочувствіемъ.

Но за границей, точно такъ-же, какъ и у насъ на святой Руси, любятъ денежки и ловятъ простачковъ.

Въ одинъ прескверный вечеръ нашъ поручикъ проигралъ въ Цюрихѣ въ рулетку довольно солидную сумму. Желая возвратить потерянное, онъ и въ слѣдующіе дни являлся въ игорный домъ, но былъ по прежнему несчастливъ.

Скоро Артикуловъ узналъ, что отъ восьмидесяти тысячъ остается только не болѣе десяти...

Не долго думая, онъ заграбасталъ остальныя въ свои руки и въ одну темную ночь скрылся неизвѣстно куда, оставивъ жену наслаждаться видами величественныхъ Альпъ и прелестными долинами Гельвеціи.

Бѣдная пташка чуть не пѣшкомъ возвратилась въ Москву, горько оплакивая свое несчастіе.

Какъ же не сказать послѣ этого: глупо отказывать себѣ въ необходимомъ и собирать богатство съ цѣлью только имѣть его, но еще глупѣе тратить его совершенно безсознательно, подобно нашимъ героямъ.

А. Н. Метельковъ.

Ну, разумѣется, какъ обыкновенно у насъ зимою, снѣга нанесено непролазные сугробы. Санки вязнутъ, лошадь насилу выволакиваетъ ноги...

— Но, но, но, кормилица! надсажается извощикъ, бичуя «кормилицу»: — экъ-те! но, што-ля! понатужься — вылѣзай!

Не тутъ-то было! — У меня терпѣніе лопнуло...

— И что это не расчищаютъ нисколько улицъ!? раздражительно воскликнулъ я, опасаясь, что вотъ-вотъ выбивающаяся изъ силъ животина станетъ и тогда — персонально тони въ снѣгу по поясъ.

— Стой! куда прешь! сворачивай влѣво! раздались въ это время впереди насъ голоса.

— Что еще тамъ? спросилъ я.

— А вонъ глядите! отвѣтилъ извощикъ и, своротивъ въ сторону, положительно утопилъ въ снѣгу и лошадь, и санки.

Гляжу: нѣсколько дюжихъ батраковъ, противъ одного богатаго дома, поливаютъ изъ ведеръ водою цѣлины уличныхъ сугробовъ, ревниво охраняя ихъ отъ проѣзжающихъ, прохожихъ и даже отъ ступней собственныхъ ногъ.

— Это зачѣмъ же такъ-то? заинтересовался я.

— Какъ зачѣмъ? ну, вотъ онъ, снѣгъ-то, захряснетъ, вотъ и не увязнешь: тады, какъ по льду, катись только!

«Вотъ оригиналы-то!» подумалъ я, — «ну, догадайся кто такъ асфальтировать мостовыя!... А ларчикъ-то вѣдь просто открывался!

Чтобъ въ улицахъ не утопать,
Когда ихъ снѣгомъ такъ заноситъ,
Лишь стóитъ малость поплескать
Водицей снѣгъ и... подморозитъ!...

И дешево, и сердито!

Около 11-ти часовъ утра. Вхожу въ нашу почтовую контору и спрашиваю на свое имя газетъ.

— Старшова нѣтъ, погодите! отвѣчаютъ мнѣ.

Жду полчаса и пристаю вновь.

— Сказано, старшова нѣтъ!

— А скоро-ль онъ придетъ?

— А мы почемъ знаемъ!?

Входятъ еще двѣ-три личности по той же надобности, получаютъ тотъ же отвѣтъ и — уходятъ.

Я же жду и еще чрезъ полчаса окончательно теряю терпѣніе.

— Да скажите пожалуйста, куда же дѣвался вашъ старшой?

— Должно въ «Красненькомъ» (трактирѣ) чай пьетъ! безъ стѣсненія отвѣчаютъ мнѣ: — это вотъ рядомъ съ конторой... давно бы сходили сами туда да позвали!

Это ли еще не оригинально?

Извѣстно, что Калуга — царство трактировъ и кабаковъ. Идешь по улицамъ, только и зришь: «питейный домъ», «распивочный навыносъ», «трактиръ», «харчевня», «листорація» и — всевозможныя варіаціи человѣческой мысли на ту же тему, какъ напримѣръ: «здесь можно выпить», «сиводни за деньги, завтра вдолхъ» и проч. Даже тошнитъ отъ безалаберной пестроты и назойливой безграмотности этихъ патентованныхъ вывѣсокъ вычурнаго тупоумія!

— Скажите, пожалуйста, зачѣмъ это такъ много кабаковъ въ Калугѣ? спросилъ я однажды «не послѣднюю спицу въ колесницѣ», т. е. человѣка съ вѣсомъ, мѣстомъ и значеніемъ въ городѣ.

— А вы негодуете? спросилъ онъ меня въ свою очередь.

— Да помилуйте...

— Напрасно-съ! живо перебилъ онъ: — вотъ сейчасъ видно, что вы вообще имѣете одностороннее понятіе о предметахъ... Нѣтъ, на дѣло надо смотрѣть не такъ-съ, — вотъ хоть бы на кабаки... вы говорите, зачѣмъ ихъ такъ много?... я вамъ отвѣчу пунктуально! нравственной точки зрѣнія на этотъ предметъ существовать не должно...

— Какъ!?

— А такъ-съ! совсѣмъ безъ кабаковъ — нельзя, а водки поставить на цѣлый городъ сможетъ ли одинъ кабакъ столько, сколько выпивается теперь во всѣхъ существующихъ... это разъ!... съ точки же зрѣнія эстетической — оно, пожалуй, и не красиво, но за то скажешь спасибо, если взглянешь на дѣло съ точки зрѣнія экономической...

— Любопытно!

— Даже очень!... Слушайте: для освѣщенія ночью всѣхъ городскихъ улицъ потребовалось бы около 300 фонарей и фонарныхъ столбовъ...

— Такъ!

— Теперь по городу едва ли насчитаете 20 столбовъ съ фонарями...

— Совершенно вѣрно!

— Фонари эти содержатся городомъ и расположены тамъ, гдѣ нѣтъ кабаковъ — въ пробѣлахъ, такъ сказать... а кабаки обязательно вывѣшиваютъ отъ себя фонари... При кабакахъ, или точнѣе — по милости кабаковъ городъ расходуетъ на содержаніе 20-ти фонарей сущіе пустяки-съ... Не будь же кабаковъ, вѣдь тогда бы или во тьмѣ ходи, или трать тысячи на освѣщеніе... какова экономія!? — и мой знакомый многозначительно запустилъ указательный палецъ и большой въ табакерку.

— Одно другаго стоитъ! сказалъ я.

— Да-съ, это дѣло большаго ума, батенька! заключилъ онъ, не понявъ меня, и снисходительно разсмѣялся.

О, умники! о, оригиналы!

Фру-фру.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ „РАЗВЛЕЧЕНІЯ"

ВЕЩИ, ПОСЫЛАЕМЫЯ ИЗЪ МОСКВЫ НА ПАРИЖСКУЮ ВСЕМІРНУЮ ВЫСТАВКУ.

Синяки, добываемые москвичами на мостовыхъ, устроенныхъ Думою.

Тьма кромѣшная, приготовляемая московскимъ Газовымъ Обществомъ. Вещь очень замѣчательная и дорого стоющая.

Духъ, вызванный спиритами московскаго Общества Ассенизаціи.

Лопата, пріобрѣтенная въ XIV вѣкѣ для очистки московскихъ площадей. Рѣдкость замѣчательная.

Коллекція рисунковъ голыхъ женщинъ, на страницахъ «Будильника», превосходящая отдѣлкой французскія фотографіи.

Ковшикъ, пріобрѣтенный московскою Думою для поливки въ лѣтнее время мостовыхъ отъ пыли.

Мазь отъ рака и костоѣды, изобрѣтенная однимъ заѣзжимъ докторомъ; съ одинаковымъ же успѣхомъ можетъ быть употребляема для склеиванія посуды, смазки колесъ, уничтоженія мозолей и замазыванія оконныхъ рамъ.

Мѣдная кухонная посуда трактира средней руки, луженная въ 1420 году. Достойна замѣчанія.

Портретъ всемірно (въ Москвѣ) извѣстной ясновидящей.

Труды коммиссіи перестройки московскихъ городскихъ рядовъ: 15,000 пудовъ рукописныхъ и печатныхъ бумагъ.

Акціи Ссуднаго банка, Промышленнаго банка, Торговаго Сотрудника, Торговаго Посредника, Общества Благодать. *Посылаются, какъ образцики дорогихъ обоевъ могущихъ спорить съ гобеленами.*

Видъ Струсберга съ западной стороны.

Видъ Ландау съ трехъ сторонъ.

Видъ Шпейера съ высоты птичьяго полета.

Видъ вывѣски банкирской конторы Лури. Вещь высокой цѣнности—каждая буква цѣнится на вѣсъ золота.

Пятачекъ, служащій базисомъ для открытія банкирской конторы.

—

ЗРѢЛИЩА И УВЕСЕЛЕНІЯ.

Въ непродолжительномъ времени въ Москвѣ предполагается устроить любительскій спектакль. Представлено будетъ: «Прекрасная Елена».

Будутъ играть роли.

Менелая.	г. Джонъ Булль.
Елены	г-жа Порта.
Париса	г. Русакъ.
Аякса 1-го.	г. Тряпка.
Аякса 2-го.	г. Лей-ядъ.

—

Кружкомъ любителей и артистовъ предполается устроить концертъ, въ которомъ между очими номерами исполнено будетъ:

«Хороша наша деревня», исполнитъ хоръ москвичей любителей.

«Охъ, подруженьки, какъ скучно», пропоетъ хоръ русской оперы.

«Заходили молодцы по столикамъ, заплясали чарочки по горенкѣ», исполнитъ г. Ярь.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.

Дозволено цензурою. Москва, 2[illegible]-го Февраля 1878 года.

Москва. Типографія Ѳ. Б. Миллера (Яуз. ч. 1 кв. № 82).